

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-2-287-298>

EDN: XXQBIZ

Круглый стол, посвященный 300-летию юбилею И. Канта

В.Н. Белов (ведущий), доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания РУДН, главный редактор журнала Вестник РУДН. Серия: Философия:

Спасибо, коллеги, что откликнулись на предложение в этот знаменательный для мировой философии год 300-летнего юбилея И. Канта провести Круглый стол, на котором я бы поставил два вопроса и попросил бы Вас на них ответить:

Есть ли философия после Канта? Отнюдь не праздный вопрос — известный американский кантовед Роберт Ханна недавно заявил, что вся мировая философия, начиная с 1781 г., года первого издания «Критики чистого разума», является, по сути, лишь серией сносков к Канту. Сошлюсь еще на одного не менее известного уже немецкого кантоведа Норберт Хинске, отстаивающего точку зрения о неразрывном единстве буквы и духа кантовской системы философии, которая полностью самодостаточна и может получать оригинальные интерпретации только на основе новых биографических или филологических изысканий. И второй вопрос связан со сложностью восприятия философских построений Канта, с одной стороны, и уже достаточно древним их возрастом, с другой:

Что дает философия Канта современным философам и современному обывателю и насколько она актуальна для современных людей?

В.Е. Семенов, доктор философских наук, профессор кафедры истории зарубежной философии философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова:

Я хотел бы назвать свое выступление на этом «круглом столе» «Кант и “осколки” современности», имея в виду под этим тот факт, что по сравнению с достаточно цельной и единой трансцендентальной философией кёнигсбергского гения его многообразные сторонники и просто реципиенты в виде отдельных мыслителей и целых школ сотворили непостижимую мозаику концепций и направлений, разбив тем самым кантовскую монолитность на огромное число несоставимых друг с другом осколков.

И. Итак, существует ли философия после Канта?

Разумеется, существует, Но... Отправляясь от этого большого «Но», я и хочу ответить на поставленные вопросы.

Кант завершил эпистемологический переворот, начатый еще Декартом. Следствием этого стало то, что европейская философия, со времен Античности остававшаяся по преимуществу онтоцентричной, бесповоротно трансформировалась в гносеоцентричную. Однако «коперниканская революция» совершалась не только в сфере научного опыта. Масштабные реформы произошли едва ли не во всем корпусе философского знания. После столь впечатляющих преобразований в метафизике и культуре в целом, осуществленных Кантом, идущие вслед за ним поколения философов не могли оставаться равнодушными к великому наследию и были едва ли не вынуждены облечь в слова мнения о кёнигсбергском «революционере». Как результат, вся последующая европейская философия в той или иной степени — и в положительном, и отрицательном смысле — «отталкивалась» от Канта.

В век Просвещения Кант поставил перед собою первую грандиозную задачу: исследовать чистый разум таким образом, чтобы в итоге (в том числе) рационализм и эмпиризм, как предшествующие различные акценты в теории познания, слились в итоге в унисон. Было четко провозглашено, что опыт — это необходимый и, стало быть, неразрывный синтез чувственности и рассудка.

Другая грандиозная задача — новое обоснование морали. Кантовская система нормативной этики стремилась ответить на древний вопрос Платона: существуют ли идеи-ценности и как, в каком виде они существуют и действуют?

По существу, критическая доктрина Канта стала обоснованием нового этапа, а также способа философского мышления. Что же произошло вслед за созданием трансцендентальной философии?

Последующие философские направления и отдельные философы не смогли пройти мимо и не отреагировать на критическую философию Канта. Ибо Кантова система заняла собою всю столбовую дорогу, по которой шумной толпой двигались философы-индивидуалы и целые школы. Обойти стороной трансцендентализм Канта не представлялось возможным. Критическая теория, получившая довольно быстро огромное философское значение, по сути, вынуждала мыслителей занять определенную идейную позицию в отношении ее основоположений. Таким образом, вся история европейской философии как реальный исторический процесс разделилась на два больших этапа: *до Канта* и *после Канта*.

Не секрет, что некоторые философы пытались «бежать от Канта» (я назвал бы это “*Escape from Kant*”, по аналогии с названием знаменитой книги Эриха Фромма). Например, осуществлялись мощные усилия к тому, чтобы: а) выйти в конце концов к Абсолютному субъекту (Фихте, Шеллинг, Гегель); б) сделать акцент не на познании, а на воле (Шопенгауэр); в) трансформировать Кантову эпистемологию в учение о ценностях (Баденская школа); г) решительно вернуться к онтологии (Н. Гартман); д) сделать упор на человеческом существовании, а не познании (К. Ясперс); е) устранить

Канта (и всю метафизику) посредством «логического анализа языка» (Карнап и другие неопозитивисты 30-х гг.); ж) ликвидировать Кантову «корреляцию» и «корреляционизм» в целом, чтобы обратиться к бытию *непосредственно*, создать «*прямой доступ*» к реальности (спекулятивный реализм). Таких попыток было множество — все не перечислить. Некоторые из них рано или поздно возвращались к Канту.

Есть ли философия после Канта? Конечно же, есть. Поскольку философия не может никуда исчезнуть. Философствование — это важнейшая родовая характеристика человеческого мышления как такового. Однако философия после Канта в той или иной степени, но всегда имеет отношение к Канту. Ибо невозможно устранить из философии влияние и значение таких концепций Канта, как, например:

1. *Реалистический конструктивизм* в познании (открытие синтетической деятельности рассудка и регулятивное влияние идей разума на познание).
2. *Конструктивизм и нормативизм* в этике и морали.
3. Понимание прекрасного как «*целесообразности без цели*» (своего рода «незаинтересованный интерес» в искусстве и Культуре в целом).
4. Бог как необходимая моральная идея разума (этикотеология).
5. Просвещение как способность и умение пользоваться собственным умом.

Кант оказал колоссальное влияние на философию и культуру Европы. Более того, он радикально воздействовал даже на то, как именно мы понимаем себя и наш опыт. Его работы находятся в центре внимания исследований в эпистемологии, этике, теологии, политологии, юриспруденции, искусстве, международных отношениях, бизнесе, психологии и так далее. Таким образом, философия не только существует после Канта, но — что более важно — Кант придал мощнейший импульс для развития как философии, так и других социально-гуманитарных, математических и естественнонаучных дисциплин.

II. Что же дает философия Канта а) современному философу (преподавателю философии), б) интересующемуся философией и в) обывателю (философией не интересующемуся)?

И философу, и преподавателю философии Кантовский трансцендентализм дает возможность сформировать фундаментальное и систематическое философское мировоззрение. Это — главное. Несмотря на то, что одни полностью поддерживают Канта, другие — согласны с ним частично, а третьи — критикуют, элиминировать полностью влияние Канта невозможно. Я бы предложил рассмотреть такую *эпатажную закономерность*: чем больше тот или иной философ размышляет над философией Канта (неважно, поддерживает или критикует), тем выше и серьезнее его философский уровень. Безусловно, в это число «философов-критериев» можно включить и других великих мыслителей.

Интересующемуся философией Кант дает немало! Могу проиллюстрировать собственным преподавательским опытом. Я читаю Межфакультетский курс, посвященный великим философам (Платон, Аристотель, Томас Аквинский, Декарт, Лейбниц, Кант). Многие слушатели просят порекомендовать философскую литературу, и просят неоднократно. Я советую Платона, Аристотеля, «Опыты» Монтеня, затем Декарта и Канта («Прологомены», «Критику способности суждения», «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» и так далее). Так вот спустя год, после ознакомления, они подходят ко мне и говорят, что чтение философской литературы (если выразиться вкратце) *сильно развило их мышление*. Таких случаев было не один, не три и не пять...

Обывателю Кант *непосредственно* ничего не дает. Точнее нужно сказать так: философия ничего не дает обывателю непосредственным образом. В отношении Канта он в лучшем случае что-то слышал о «звездном небе» и «моральном законе». Не более того. Однако и философия в целом, и конкретно Кант могут привнести что-то (иногда очень важное!) в жизнь индивида *косвенным образом*, через социальное окружение и социальные практики. Но обыватель об этом даже не узнает.

Обыватель же в сфере *практического разума* делится (условно) на две большие категории: 1) тот, кто считает, что в жизни есть «правила», по которым и следует жить (\approx стихийный «кантианец», каковых немало); 2) тот, кто считает, что: а) «у каждого — свое понимание добра, справедливости и т.д.» — своего рода «*бытовой релятивизм*»; или что б) «я никому ничего не должен» (причем, это говорит человек социализированный в обществе, выращенный родителями и окруженный людьми!). При этом имеется в виду не какая-то конкретная ситуация, в которой человек и в самом деле никому ничего не должен, а фундаментальная жизненная установка в целом. Я назвал бы это «*нигилизмом*». Однако при опросах студентов выясняется, что добро и другие ценности все понимают едва ли не одинаково.

Если же говорить в целом, то надо констатировать, что все люди философствуют, только не подозревают об этом (как известный персонаж Мольера не догадывался, что он сорок лет говорил прозой). Некоторые философствуют весьма «близко к Канту».

М.Е. Соболева доктор философских наук, экстраординарный профессор Марбургского университета:

Дорогие коллеги, спасибо за возможность высказаться. Мне говорить труднее, так как Валерий Евгеньевич все существенное практически сказал. Я думаю, кстати, что вовсе не удивительно, что те, кто занимаются философией Канта, говорят о ней в определенной степени в унисон. Оценивая кантовскую философию в целом, я согласна с Владимиром Николаевичем, который в свою очередь процитировал Роберта Ханна о том, что вся современная философия представляет собой ссылку к философии Канта, так же как раньше

с легкой руки Уайтхеда говорили о том, что вся философия вообще есть ссылка к Платону. В некотором роде вопрос Владимира Николаевича о том, есть ли философия после Канта, представляет собой провокацию. Разумеется, философия существует, так как человек никогда не перестанет философствовать в силу своей склонности к «метафизике». При этом можно философствовать и не обращаясь к Канту, многие спокойно обходятся без него. Но если говорить о философски образованных людях, то они, по моему мнению, пройти мимо Канта не могут. Кант, как сказал Валерий Евгеньевич, присутствует в современной философии либо позитивным образом, либо негативным. Негативно — это значит, что с самого начала его философия натолкнулась на непонимание и жесткую критику. Для Якоби, например, камнем преткновения стала «вещь в себе»: без нее, по его мнению, невозможно войти в кантовскую систему, а с ней в ней невозможно остаться. Критикуя кантовскую трансцендентальную идею как простое продолжение категорий и пытаюсь вернуть идею, как он полагал, первоначальную полноту бытия в платоновском смысле, Якоби разработал свою философию откровения, не замечая при этом, что в понимании идеи Кант также был последователем Платона и тем самым противником эмпиристского подхода к ней. Весь немецкий идеализм можно рассматривать как продуктивную критику Канта, так как отталкиваясь от его теории, Фихте, Шеллинг и Гегель разработали свои учения. Наверное, менее всех из этих авторов Канта понял Гегель, считавший его идеалистом и переосмысливший его теорию познания как онтологию абсолютного духа.

К девятнадцатому веку накопилось такое множество интерпретаций кантовской теории, что Кант растворился в конфликте этих интерпретаций и возникла потребность вернуться к изначальному, аутентичному Канту. Лозунг «Назад к Канту» ознаменовал возникновение неокантианства. Однако возвращаясь к Канту, неокантианцы тем не менее значительно от него удалились: в баденском неокантианстве возникла теория ценностей, в марбургском теория науки. Но самым большим удалением от его теории стала, на мой взгляд, аналитическая философия. Пытаясь дать аутентичное прочтение Канта, Строссон, например, критиковал его за отсутствие у него анализа языка, что совершенно справедливо, и на этом пути доработал его теорию, интерпретируя ее как критику языка. Обобщая мои примеры, я хочу сказать, что Кант эксплицитно или имплицитно присутствует в современной философии — в теории познания, в философии сознания, в философии языка, в эстетике, в этике, в современной политической теории и так далее.

Что Кант может дать сегодня? Очень много, но при этом, как Владимир Николаевич уже отметил, цитируя Хински, надо уйти от филологии, от простого анализа текстов. Особенно контрпродуктивно вырывать некий пассаж из работ Канта и пытаться разобраться в нем, выстраивая свои размышления вокруг него, что, к сожалению, очень распространено в современном кантоведении. Кант, как уже сказал Валерий Евгеньевич, систематический философ. Причем свою систему он строит не за счет соединения некоторых

элементов, а выводит ее из единого принципа, из понятия чистого разума. Таких философов, помимо Платона, у которого из анализа души выводятся и формы познания, и социальная философия и так далее немного. Может быть, Эрнст Кассирер, который все многообразие символических форм обосновывает, следуя кантовской методологии, в символическом понятии. Интересно, что на принципе чистого разума и дедуктивном методе у Канта основана и теория познания, и мораль, и право, и политическая философия. При этом самым главным для него было не создание некоей законченной доктрины, а критический принцип, принцип критического мышления. Его система возникла как критика, исходящая из единого принципа, как критика она и должна восприниматься. Что это значит в более широком смысле? Это значит, что разум признается таковым, если ему свойственна саморефлексия: он, как писал Кант, занят только самим собой, анализом своих форм. Причем речь идет не только о теоретическом, но и о практическом разуме. Мы должны, следовательно, найти источник морали в самом чистом практическом разуме, который выводя из самого себя моральный закон сам себя обязывает этому закону следовать, не ущемляя при этом, таким образом, своей свободы. Наверное, сегодня не менее важно, чем во времена Канта, понять себя как единственный автономный источник своего собственного морального закона. Это значит, что ни традиция, ни религия, ни авторитет не могут служить в качестве моральных инстанций, если их нормы не основываются на законах чистого практического разума.

Возвращаясь к моему пункту о систематичности кантовской философии, хочу отметить, что сам Кант считал свою систему законченной. Это значит, что количество обосновывающих ее принципов, дедуцированных из чистого разума, не может быть расширено. Эту систему можно дополнять фактами, но ее каркас принципиально должен сохраняться. Из этого следует, что развивать систему Канта мы не можем, мы можем ее только понять. Наша задача, как раз в этом и состоит, то есть она носит герменевтический характер. Мне кажется, что есть первоначальный текст Канта, который мы должны освободить от всякой спекуляции, мистики, и проч.

И последнее, Кант относится к редким философам, обладающим ценным еще в античности качеством, а именно, быть последовательным и жить в соответствии со своей собственной философией. Мне кажется, этому мы тоже можем у него поучиться, ведь задача философии не исчерпывается, как Кант указывал, ее «школьным понятием», философия имеет важнейшее отношение к существенным целям и задачам человека и, в итоге, позволяет ответить на один из кардинальных вопросов о том, что есть человек. Этот вопрос далеко не абстрактный, а затрагивает самопонимание каждого из нас. Философия нужна для не только того, чтобы понять мир, но и понять самого себя в этом мире, а наше самопонимание в большой степени определяет и наше миропонимание, что показал Кант. Простите, что на такой, несколько

патетической ноте, я заканчиваю свое выступление об актуальности кантовской философии.

В.В. Васильев, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории зарубежной философии философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова:

Кратко отвечу на поставленные В.Н. Беловым очень интересные вопросы, особенно уместные в юбилейный кантовский год: 1) есть ли философия после Канта? 2) что дает философия Канта современным философам и 3) зачем она нужна нефилософам?

1. Сомнения в том, что после Канта может быть какая-то оригинальная философия, могут быть связаны с предположением, что он разрешил все основные философские проблемы. Я, однако, думаю, что правильнее было бы сказать, что философия Канта — это не конец философии, а в каком-то смысле ее начало. Серьезная, "взрослая" философия начинается только после Канта. Дело в том, что он очень отрефлексированно и систематически подошел к философии, к осмыслению ее предмета и задач. И на его фоне все предшествующие изыскания, даже если говорить о работе таких систематиков, как Хр. Вольф, выглядят несколько любительски, что, конечно, не отменяет гениальности многих докантовских мыслителей. Но только после Канта можно философствовать с открытыми глазами.

Философия Канта не блокирует последующие философские изыскания еще и потому, что он не охватил в своих исследованиях целый ряд фундаментальных проблем. К примеру, из его текстов трудно понять, как он решал проблему ментальной каузальности, то есть допускал ли он влияние ментальных состояний, таких как желания, на физические процессы в мозге. Непонятно и его решение проблемы супервентности ментального на физическом. При обсуждении других фундаментальных проблем, таких как проблема свободы воли, Кант предлагал решения, но кантоведы до сих пор не пришли к согласию, когерентны ли они.

2. Кантовская философия много что дает современным философам. Во многих предметных областях философии начала XXI в. идеи Канта служат отправной точкой для исследований. В политической философии, к примеру, до сих пор влиятельны его идеи вечного мира как «высшего политического блага» и его необходимых условий, к числу которых он относил республиканское устройство государств. Послекантовская история показала, что демократии, (как теперь принято называть то, что Кант именовал республиками) и правда обычно не воюют друг с другом. Не менее влиятельными остаются этические концепции Канта. Достаточно сказать, что два крупнейших этика начала XXI в., Д. Парфит и П. Сингер, несмотря на различие их подходов, готовы были называть себя последователями Канта. По-прежнему актуальны и эпистемологические идеи Канта, такие как его фундаментальное

различение аналитических и синтетических суждений или его критерии априорного. Вокруг этих тем не утихают дискуссии, в которых за последние десятилетия поучаствовали в том числе такие значительные мыслители, как У. Куайн, С. Крипке и Д. Чалмерс. Нельзя не отметить также современность эстетических разработок Канта. Его мысль о приоритете формы над содержанием при оценке значимости произведений искусства, его интеллектуализация эстетических суждений вкуса, позволяющая отличать их от чисто субъективных суждений о приятном, а также его понятие эстетических илей (чувственных образов, которые не могут быть исчерпаны понятиями), оказались хорошими инструментами для анализа современного искусства — непростой задачи для многих классических теорий.

3. Для людей, далеких от профессиональной философии, но интересующихся философскими идеями, Кант может быть полезен тем, чем он в свое время оказался полезен для профессиональной философии. Кант говорил, что он пробудился от догматического сна благодаря исследованиям Д. Юма, но именно Кант пробудил от догматического сна всю западную философию. Он научил философов критическому подходу к своему делу. И пробуждающая сила его философии не иссякла и в наши дни. Кант как никто другой может научить людей, интересующихся философией, критической рефлексии, критическому мышлению. Вообще, прикладная польза философии состоит не только в том, что она помогает людям сориентироваться в фундаментальных вопросах их существования, таких как вопросы о природе сознания, о границах познания, свободе воли, истоках морали и т.п. Ее польза еще и в том, что сам процесс погружения людей в философский дискурс оттачивает их аналитические способности, развивает критическое мышление, столь востребованное в наши времена, когда мир превратился в большой калейдоскоп изменений.

А.Н. Круглов, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории зарубежной философии РГГУ:

Что может дать нам философия И. Канта сегодня?

Хотя развитие философии происходит далеко не так же, как прогресс науки, особенно естествознания в Новое время, и мы не можем в философии говорить без каких-либо оговорок о некоем кумулятивном накоплении знания, предполагающем заведомое устаревание былых теорий и представлений, но все же и в философии, призванной говорить прежде всего о вечном и вневременном, имеется немало элементов, которые с течением времени становятся архаичными и устаревшими. Это справедливо и относительно философских взглядов Иммануила Канта, родившегося 300 лет назад.

Однако во всяком подлинном философском учении всегда содержится что-то такое, что, вопреки Г.В.Ф. Гегелю, выходит за границы времени его творца, и по-прежнему сообщает что-то важное его потомкам, пускай и в новых обстоятельствах и условиях.

К этому пережившему, с моей точки зрения, условности, ограниченности и заблуждения эпохи немецкого Просвещения, а также личные, а порой и бытовые предрассудки самого философа в наследии Канта принадлежит немало важных мыслей и идей.

Во-первых, это отчаянная попытка Канта в «Критике чистого разума» спасти человеческую свободу. Даже учитывая те трудности, которые возникли в процессе реализации этого спасения, приходится признать, что глубже Канта в этом вопросе за прошедшее время вряд ли продвинулся кто-то из последующих философов.

Во-вторых, это демонстрация Кантом сущностной и неразрывной связи, которая существует между человеческой свободой и человеческим достоинством, которая выходит на первый план преимущественно в этических произведениях кенигсбергского мыслителя.

В-третьих, это настойчивое напоминание о том, что без ответа на вопрос о человеческой свободе и человеческом достоинстве для нас останется загадкой и тот вопрос, к которому Кант иногда сводил все философские вопросы, а именно, что такое человек? При этом сегодня, во времена бурного развития биологии, генетики, искусственного интеллекта кантовские рассуждения о том, что вопрос о человеке — это прежде всего вопрос о морали, звучат еще более злободневно, чем во времена жизни немецкого философа. Попутно замечу, что сама формулировка Кантом главных философских вопросов, которые, помимо вопроса о человеке, включают в себя еще и вопросы о том, что я могу знать, что я должен делать и на что мне позволительно надеяться, поражает своей простотой и емкостью. Со времен древних греков и вплоть до сегодняшнего дня никому так и не удалось превзойти это достижение Канта.

В-четвертых, сегодня, когда благодаря развитию техники весь земной шар, о философском смысле поверхности которого Кант не раз размышлял в своих философско-исторических и политических работах, стал, как кажется, намного «меньше» и доступнее, а вероятность того или иного глобального доминирования гораздо реалистичнее, все большую остроту приобретают попытки Канта найти некую гармонию и соединение, с одной стороны, культурной и исторической уникальности, своеобразия — эта была одна из излюбленных тем на кантовских лекциях по антропологии и физической географии, с всеобщим и универсальным, чему были посвящены кантовские лекции и трактаты по этике. «Формальный» ответ Канта удовлетворил при этом далеко не всех, однако Кант эту проблему осознал и свой вариант решения все же предложил. Те же, кого Кант в этом вопросе не устраивает, вольны продвигаться в своих поисках дальше того, что предлагал Кант в виде образа кругов разного диаметра, находящихся один в другом, либо различия между «мужем» и «одеждой».

В-пятых, разрушение наивного взгляда на познание и вещи, которое является одним из прямых следствий критической философии, оказывается одним из немеркнущих достижений Канта, сохраняющим силу и по сей день.

Осознание зависимости нашего познания от априорных предпосылок и изучение этих самых априорных предпосылок оказывается такой задачей, которая не потеряла своей актуальности со времен Канта. Каким образом при этом понимается само «априорное»: вневременно ли, или исторически обусловлено, как индивидуально предзаданное, но родовым образом приобретенное, — вариантов ответов, образовавшихся уже в послекантовской философии, имеется множество, однако сама поставленная Кантом задача от этого не становится менее злободневной, даже если его конкретный вариант решения сегодня находит и не так много сторонников.

В-шестых, за время, прошедшее после Канта, в значительной степени был утрачен революционный смысл той философской критики, создателем которой Кант и явился. Критика все больше выродилась в «критику книг и систем», в полемику или даже вражду с оппонентом. Более того, новомодный ныне гиперкритицизм имеет все тенденции превратиться в новый догматизм. Изучение же потенциальной способности самой познавательной способности, ее границ и применимости, то есть то, что в первую очередь Кант и понимал под критикой, увы, почти полностью ушло с философского небосклона. Кантовская критика по крайней мере в лучшие зрелые годы кенигсбергского философа подразумевала возможность поставить под вопрос самого себя, свои собственные предпосылки и предубеждения, встать на точку зрения другого, посмотреть его взглядом, в том числе и на собственную позицию. И это та критика, которой сегодня решительно не хватает.

В-седьмых, такое глубокое понимание настоящей критики тесно связано с отстаиваемым Кантом самостоятельным мышлением и философским совершенством. Этот самостоятельный и свободный философский поиск сопряжен со множеством трудностей, и на его пути неизбежно возникают горести, печали и боли от падений в путешествии без помощи поводырей.

Приведенный список далеко не полон, его можно было бы и продолжить. Но наиболее яркими аспектами кантовской философии в современном восприятии мне представляются именно эти.

Н.А. Дмитриева, доктор философских наук, научный директор Академии Кантианы БФУ им. И. Канта, профессор кафедры философии Института социально-гуманитарного образования МПГУ, иностранный член-корреспондент Австрийской академии наук:

Что может дать нам философия И. Канта сегодня?

Довольно трудно добавить что-то к тому, что было сказано коллегами. Я остановлюсь только на двух сюжетах, которые, как мне представляется, касаются и «необходимо интересуют каждого», если воспользоваться выражением, которым Кант в «Критике чистого разума» характеризует «мировое понятие философии». И в этих сюжетах интересы профессионального философа и обычного человека совпадают.

Прежде всего мне хотелось бы остановиться на кантовском понятии человеческого достоинства. Не Кант изобрел это понятие, но он был первым в истории, кто обосновал достоинство человека из его способности к разумным моральным поступкам — способности в своих поступках отказаться от своих частных желаний и предпочтений и исходить из стандартов, которые значимы для всех людей без исключения в схожих ситуациях. Обнаружение этой способности стало для Канта основанием для признания у человека другой способности — способности к самоопределению, направляемому собственным разумом. Из этого кантовского обоснования свободы человеческой воли следует, что моральными поступки будут только тогда, когда совершаются согласно требованию: не обращаться с другими людьми только как со средством, но всегда и как с целью самой по себе. Подчинять свои поступки этому требованию — значит, признавать, уважать и отстаивать достоинство человека. На том этапе исторического развития, на котором человечество оказалось к 300-летию Канта, можно констатировать, что человечество достигло определенного консенсуса по вопросу о человеческом достоинстве: целый ряд самых авторитетных международных общественных организаций, хотя бы на уровне деклараций, а также государства в своих конституциях признали достоинство человека абсолютной ценностью — и это достижение, несомненно, восходит к Канту. Однако нельзя не видеть, что человечеству в целом и каждому человеку еще далеко до того, чтобы это признание стало обязательным критерием и основным мотивом всякой социально-значимой активности: от конкретных поступков до международных политических действий. Осмыслить и принять эту ценность в качестве обязательного критерия своих поступков *каждым* человеком, не зависимо от его социального положения и уровня образования, — значит подняться в своем собственном развитии и в развитии общества, в котором мы живем, на следующую, более высокую, ступень человечности. И понимание этого, а также ориентиры, как и куда двигаться для достижения этой ступени, дает нам философия Канта.

Другой чрезвычайно значимый, на мой взгляд, сюжет связан с восприятием философии Канта в России. Нравится нам это или нет, русская культура от Николая Карамзина и Александра Радищева до Льва Толстого и Бориса Пастернака пронизана идеями Канта. Карамзин в апреле 1804 г., то есть спустя 15 лет после своей встречи с Кантом, с большой симпатией описанной в «Письмах русского путешественника» (1790–1792), писал своему немецкому приятелю Вильгельму фон Вольцогену, что скорбит о кончине великого кёнигсбергского мыслителя и уверен, что сколько бы ни прошло лет «философы всегда будут восхищаться Кантом...». В рецепции кантовских идей в России, конечно, не всегда было одно восхищение, много было и критики, и попыток преодолеть, и даже ругани в его адрес, но ни один сколько-нибудь значимый российский мыслитель не прошел мимо его философии. Это справедливо не только в отношении университетских профессоров и их коллег в духовных

академиях, но и для мыслителей, не занимавших философией профессионально: писателей, публицистов, общественных деятелей... Кантовские идеи служили одновременно и бесценной школой мысли, и своего рода триггером для создания собственных философских учений, и руководством в развитии мировоззрений и в общественной деятельности. Великая русская культура выработала целый спектр подходов к пониманию кантовских идей и тем существенно обогатила философскую дискуссию не только внутри России, но и за ее пределами, а Кант в свою очередь стал частью русской культуры, и без пристального изучения его присутствия в ней очень многое остается и будет оставаться загадочным, нераскрытым, непонятым.